

5. Нартов Н. А. Геополитика. – М. : Единство. Издательство политической литературы, 2002. – 426 с.
6. Осипов Г. В. Социальное мифотворчество и социальная практика. – М. : Норма, 2000. – 542 с.
7. Розов Н. С. Национальная идея как императив разума / Н. С. Розов // Вопросы философии. – 1997. – № 10. – С. 67–79.
8. Рудометов В., Робертсон Р. Глобализация. Миросистемная теория и сравнительная теория цивилизаций // Сравнительное изучение цивилизаций : хрестоматия. – М. : Аспект-пресс, 1999. – 556 с.
9. Савицкий П. Н. Континент Евразия. – М. : Аграф, 1997. – 464 с.
10. Фукуяма Ф. Конец истории // Философия истории. Антология. – М. : Аспект-пресс, 1995. – 350 с.
11. Хантингтон С. Столкновение цивилизации? // Свободная мысль. – 1993. – № 1. – С. 34–52.
12. Хантингтон С. Третья волна демократизации. – М., 1991. – 324 с.

© Бутенко Н. А.

УДК 1:3+32.001

ИССЛЕДОВАНИЕ АВТОРИТАРНОГО АСПЕКТА ЕВРОПЕЙСКОГО НЕОИМПЕРИАЛИЗМА

В. В. Вялых

**Оренбургская государственная медицинская академия,
г. Оренбург, Россия**

RESEARCH OF AUTHORITARIAN ASPECT OF THE EUROPEAN NEOIMPERIALISM

V. V. Vyalyh

Orenburg state medical academy, Orenburg, Russia

Summary. In article process of formation of new political identity of Europe is considered. The author investigates occurrence of the European neoimperialism in an istoriko-political context of second half of XX-th century, showing its consequences for the developed system of the international relations.

Article purpose – to show causes and effects of strengthening of imperial tendencies in the European policy, economic and political consequences of this process.

Key words: neoimperialism; antiamericanism; consocial democracy; political networks.

Мировой финансовый кризис 2008 года не только продемонстрировал слабые места мировой экономики, но и подвел своего рода промежуточный итог под масштабным политическим проектом – Европейским союзом. Его характерными чертами являются неоимпериалистическая стратегия развития и авторитарная идеология.

Имперская стратегия развития была присуща Европе исторически. На вершине своего расцвета в 16 столетии габсбургская Священная Римская империя стремилась к всемирному господству. Вслед за габсбургами на более короткий период власть в Европе узурпировал Наполеон Бонапарт. Наполеоновская программа объединения Европы выглядит такой современной не только из-за того, что она написана на французском языке. Например, одной из целей Бонапарта было создание «валютного единства по всей Европе. Позже она заявил, что его кодекс общего права, система университетского образования и денежно-кредитная система превращают Европу в единую семью. Никто не будет покидать дома, путешествуя по ней» [6]. В Адольфе Гитлере с его устремлениями к европейскому господству вполне можно увидеть последователя Наполеона. Гитлер, в частности, высокомерно говорил в 1943 году о «кучке мелких наций», которые должны быть уничтожены во имя создания единой Европы. В связи с этим он упоминает, что «нацизм, в конечном итоге – это европейская идеология. А третий рейх – претензия на господство в Европе» [6]. Федеративную Европу нельзя считать национальным государством. Она строится на подавлении или на замещении концепции национальной самобытности. Акции федеративной Европы нередко направлены на формирование своего рода нации европейцев.

История европейского проекта восходит к замыслу ряда политиков континентальной Европы, государственных деятелей и мыслителей создать такую наднациональную структуру, которая сделала бы войны в Европе невозможными. С этой целью Францию и Германию необходимо связать друг с другом, сперва экономически, а затем политически. Основу первого этапа осуществления европейского плана интеграции – Европейское объединение угля и стали, учреждённое 18 апреля 1851 года, – заложили Жан Моне и Роббер Шуман. Этот план был затем провозглашен в знаменитой преамбуле Римского договора, подписанной 25 марта 1957 года, где была поставлена задача создания «еще более сплоченного союза». Но при этом, как отмечает М. Тэтчер, за созданием европейского государства стояло не просто желание предотвратить войны в Европе. Стремление к нему возникло намного раньше. Если национализм осуждают за притеснение национальных меньшинств, то наднационализм заслуживает еще большего осуждения, поскольку он предполагает подчинение целых государств [7].

Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) основывалось во второй половине 1950-х годов для создания союза между народами Западной Европы. Основатели ЕЭС рассчитывали, что европейцы должны на практике испытать преимущества сотрудничества перед соперничеством между европейскими национализмами, которое до этого, раз за разом, возвращало Европу к состоянию войны. В целом это предприятие оказалось на удивление удачным, хотя оно обрело организационные формы, которые основатели ЕЭС не могли предвидеть [9].

Прошедшие полвека нередко оказывались застойными в плане интеграционного развития. В первую очередь так можно определить двадцать лет (с момента «кризиса пустого кресла» в 1965 году, завершившегося Люксембургским компромиссом 1966 года, до первой половины 1980-х годов), которые принято поминать термином «евросклероз» [2]. Но наблюдались и периоды активного институционального строительства – например, вступление в силу Единого европейского акта (ЕЕА) 1986 года, обеспечившего условия для функционирования Единого внутреннего рынка (ЕВР), или Маастрихтского договора 1992 года, который заложил основы Экономического и валютного союза (ЭВС). Особое значение имело подписание в октябре 2004 года в Риме Конституционного договора, призванного отменить все прежние основополагающие договоры – в том числе и Римский договор 1957 года [6].

Успеху благоприятствовали условия, сложившиеся после Второй мировой войны. Экономика Западной Европы нуждалась в восстановлении, а идея интеграции давала такую возможность. В контексте «холодной войны», когда традиционные антагонизмы между западноевропейскими державами притупились вследствие ощущения общей для них советской угрозы, ЕЭС, созданное на базе Римского договора 1957 года, соединило в себе идеалы федерализма и практические шаги из области хозяйственной кооперации [3].

Процесс экономического и политического усиления Европы за последние 10 лет не только показал наличие альтернативы американскому политическому влиянию, но и продемонстрировал рост авторитарных тенденций в политике ведущих европейских стран. При том это в равной степени касается как политики внутренней, так и внешней. Прежде всего, это коснулось Греции, в помощь которой направили 85 млрд евро. Но эта помощь имела свою цену: Греция временно отказалась от собственной пограничной службы, теперь греко-турецкую границу охраняет Европейское агентство по охране внешней границы – Frontex. Это специальное европейское пограничное подразделение сил быстрого реагирования со штаб-квартирой в Варшаве было создано в апреле 2007 года. Область его ответственности – обеспечение безопасности границ ЕС с государствами, туда не входящими. Ирландия, также оказавшаяся в тяжелом положении после кризиса 2008 года, незамедлительно получила финансовую помощь от ЕС, но под очень высокую ставку – почти 6 %. Теперь многие финансовые аналитики полагают, что самостоятельно из критической ситуации страна не выпутается и ей придется поступиться суверенитетом [6].

Кроме того, расширение ЕС привело не к открытию его внешних границ, а лишь к их смещению. Новые рубежи Евросоюза остались практически столь же жесткими, что и прежние. Более того, кандидаты на вступление в ЕС были вынуждены стать инициаторами введения визового режима со своими восточными соседями и некоторыми другими странами. В 1999 г. на такой шаг пошла Словения, в 2000 г. – Чехия, Словакия и Румыния, в 2001 г. – Болгария, в 2003 г. – Польша и Венгрия; до конца 2003 г. льготы в отношении населения граничащих с ними территорий РФ отменили прибалтийские государства. Кроме того, кандидаты на вступление в ЕС и некоторые другие страны (включая Россию) подписали с Брюсселем соглашения о ремиссии нелегально проникших с их территорий в Евросоюз [2].

По мнению российского политолога А. Уткина, европейское стремление к международной независимости понятно: Западная Европа значительно больше, чем Соединенные Штаты, зависит от внешнего мира. Общая торговля с внешним миром у ЕС примерно на 25 % больше, чем у США, и вдвое больше, чем у Японии. Доля экспорта в германском ВВП равна 25 %. Доля экспорта в ВВП Франции и Британии – 18 %, Италии – 15 %. (Доля экспорта в ВВП США – 7 %) [8]. Другое мнение о европейском проекте высказывает М. Тэтчер. В работе «Искусство управления государством» она отмечает, что, во-первых, программы европейской интеграции не обязательно несут благо; во-вторых, желание осуществить грандиозные утопические планы нередко связано с серьезной угрозой свободе; в-третьих, попытки объединить Европу предпринимались и раньше, но не всегда завершались успехом [7].

Опираясь на взгляды классика американской социологии Ханны Арент, американский исследователь А. Марковиц проводит различие между двумя возможными направлениями формирования новой идентичности ЕС. Первое он называет «паневропейским национализмом», второе – «постнационализмом». Именно второй путь, как он думает, приведет к появлению «принципиально обновленной Европы». Евросоюзу удобно оставаться на траектории «паневропейского национализма». Во всяком случае, признаки движения по этому пути просматриваются, и это выражается в трех основных моментах.

Во-первых, наряду с мощным экономическим фундаментом важным элементом лидерского потенциала Евросоюза является его *культурное и культурно-политическое влияние*, масштабы которого фактически сохраняют общемировой характер.

Во-вторых, это выражается в *военно-политическом измерении лидерского потенциала ЕС*. Целый ряд средних и малых стран ЕС имеют не очень многочисленные, но весьма хорошо оснащенные армии. Эти силы способны самостоятельно обеспечивать оборону национальной территории соответствующих стран и при необходимости вливаться в состав международных контингентов для решения миротворческих и полицейских задач среднего уровня интенсивности.

В-третьих, Европейский Союз эффективно использует на международной арене свой *организационный ресурс*: чиновники ЕС способны более умело использовать оргресурс, чем функционеры правительств крупных национальных государств, склонные к более «прямолинейным» методам отстаивания своих позиций [5].

Французский исследователь Жан Франсуа Ревель в своей работе «Одержимость антиамериканизмом. Ее действие, ее причины, ее целесообразность» отмечал, что «...именно европейцы сделали XX век наиболее черным в истории человечества, включая сферу политики и морали. Это они спровоцировали две мировые войны – катаклизмы, равных которым не знала история. Это они изобрели и воплотили в жизнь два режима, самых криминальных из тех, что когда-либо формировались в человеческом обществе...» [3]. В связи с этим необходимо сказать, что культурная уникальность Европы, являющаяся одной из основ ее политической стратегии, несет в себе источник таких серьезных проблем, как ксенофобия и национализм. В политике это прежде всего означает усиление позиций националистических партий подобно тому, как это произошло в ряде скандинавских стран в конце 2010 года. Так, по итогам парламентских выборов 20 из 349 мест

в шведском риксдаге (парламенте) получили радикальные националисты – партия «Шведские демократы» во главе с Йимми Окессоном. Их поддержали 5,7 % шведских избирателей. Это весьма серьезный показатель для партии, открыто предлагающей сократить иммиграцию из мусульманских стран на 90 % [2].

Шведские выборы подтвердили тенденцию к поправению общественной атмосферы, набирающую силу в Европе. Когда 10 лет назад в австрийское правительство вошла партия крайне правого популиста Йорга Хайдера, Евросоюз ввел санкции против страны-члена – Австрии. Сегодня подобные политические объединения добиваются успеха в одной европейской стране за другой, а кое-где и входят в правительство, но это никого не беспокоит. В марте этого года на местных выборах в Нидерландах победила ультраправая Партия свободы во главе с Геертом Вилдерсом, известным своей активной антимусульманской позицией [4].

По мнению российского политолога Ф. Лукьянова, часто подъем ксенофобии – отражение растерянности и неуверенности в будущем, которые испытывают европейцы перед лицом фундаментальных изменений в мире [4]. Основная причина – кризис проекта единой Европы, связанный с колоссальным внутренним дисбалансом после масштабного расширения Евросоюза, объединяющего сегодня 27 стран. Погрузившись в попытки отрегулировать собственный разросшийся механизм, Европа не успевает реагировать на внешние вызовы – экономические, политические, демографические. Количество приезжих превышает возможности по их интеграции в европейские общества, которые в то же время сталкиваются с проблемами старения населения и неблагоприятной структуры рынка труда. Принятие Конституции, нацеленной на создание единого целого из государств Европейского Союза, привело к появлению нового международного актора со своим министром иностранных дел и своей внешней политикой.

Высокий уровень неопределенности современной международной среды заставляет по-новому оценить достоинства и слабости европейской модели лидерства. Оно не носит «волевого» характера, но от этого не предстает менее целеустремленным и эффективным. Цели политики ЕС рассчитаны в большей мере на долгосрочную перспективу и в меньшей – на получение скорого выигрыша. Однако именно это позволяет Европейскому Союзу своевременно корректировать методы их достижения. Стратегия «мягкого лидерства» вызывает гораздо меньшее сопротивление среды и сопряжена с меньшим риском от попыток его нейтрализовать. В этом одновременно и ее слабость, и преимущество.

При этом европейский подход к лидерству может оказаться эффективнее американского. Проблема «волевого» (американского) лидерства заключается в том, что международное сообщество представляет собой сложную систему. Резкий слом статус-кво (смещение режима в стране «третьего мира», ракетные удары по базам террористов на территории какого-либо государства и даже интервенция в целях предотвращения или ликвидации гуманитарной катастрофы) могут иметь непредсказуемые последствия как для объекта этих действий, так и для силы, которая их предпринимает, и системы международных отношений в целом. На арену выходят факторы и силы, роль которых было сложно предвидеть, когда принималось решение о начале той или иной силовой операции. В этом – сложность, с которой сталкиваются Соединенные Штаты как лидер, стремящийся максимально «спрямить» путь к решению своих внешнеполитических задач. Главный риск, сопряженный с силовой политикой «опоры на собственные силы», – неопределенность [4].

В начале 2000-х гг. (время запуска европейского проекта) российский политолог А. Уткин предлагал три сценария развития ситуации подъема Европы. Согласно первому сценарию, процесс расширения Евросоюза замедлится, а потом прекратится. ЕС откажется от амбиции достижения позиций, равных США. В свою очередь, ослабление интеграции повлечет за собой утрату европейского интереса к глобальной (совместной) политике.

Согласно второму сценарию, процесс расширения ЕС продолжается, но идет с крайними трудностями – Европа превращается в структуру со многими уровнями, где поступательное движение сохраняется фактически лишь на верх-

нем уровне. Даже в этом случае избежать противоречий между двумя берегами Атлантики будет весьма сложно. Можно смело предсказать проявление сугубо культурных различий как на уровне элит, так и в контактах населения обоих регионов, результатом чего будет их взаимное отчуждение. И в этом случае ЕС будет роковым образом ослаблен в проведении глобальной политики. Но не откажется от достижения этой цели абсолютно.

По третьему сценарию, считает Уткин, Европа, несмотря на все трудности, превращается фактически в централизованную державу, способную отстаивать свои позиции в мире, осознающую, что она – единственный реальный и возможный соперник США. При реализации третьего сценария (формирование фактически нового огромного европейского государства) ЕС возобладает на континенте, а роль США резко ослабнет [9].

Сегодня очевидно, что развитие Евросоюза происходит по второму сценарию, а потому его политическую структуру можно охарактеризовать как *консоциальную*. В условиях консоциации политический процесс подчинен набору институциональных правил, призванных обеспечить соблюдение *консенсуса*. В демократическом устройстве такого рода нет места для политических партий, а Европейский парламент выступает, соответственно, как институт второго плана, не способный представлять европейский народ в силу отсутствия такового [5]. В случае ЕС консоциальная политическая структура означает политическое управление картелем национальных элит. Каждая из них располагает правом вето в отношении коллективно принимаемых важнейших решений. Правящие в отдельных государствах-членах элиты формируют широкие коалиции и активно ведут между собой разного рода переговоры [5].

Вместе с тем, по мнению исследователя М. Стержневой, у консоциальной организации есть серьезные недостатки. Во-первых, она не только строится на слабости соответствующего демоса, но и препятствует его последующему укреплению. Широкий спектр интересов внутри отдельных стран остается не представленным на наднациональном властном уровне. Таким образом, институциональная конфигурация ЕС в принципе весьма недемократична. Во-вторых, требование достижения консенсуса, ввиду множества разногласий между участниками, мешает в принятии решений [5].

Но эти недостатки могут компенсировать политические сети. Политическая сеть – сложное сочетание относительно стабильных, децентрализованных, неиерархических отношений, которые связывают разных по природе акторов (государственных и негосударственных). Они обмениваются ресурсами ради достижения общей цели. Политические сети имеют отношение к сфере взаимодействия между государством и обществом в условиях, когда жизнь дифференцируется и становится сложно, практически невозможно управлять общественными процессами прежними методами непосредственного государственного вмешательства – сверху вниз, не прибегая к взаимодействию с самим обществом. Важнейший ресурс, который в рамках политической сети государственные институты и квазигосударственные институты (вроде Комиссии ЕС) получают от разнообразных общественных представителей и лиц, выступающих в частном качестве, – это информация, необходимая для обеспечения эффективности управления [5].

Во-первых, сети обеспечивают наднациональные институты информацией относительно широкого круга национальных предпочтений и специфики национальных режимов хозяйствования, позволяя находить решения, которые устраивают подавляющее большинство участников. Во-вторых, их использует Комиссия, чтобы повлиять на отдельные правительства, если на каком-то конкретном направлении последние сопротивляются реализации общеевропейского интереса. В-третьих, участники сетей непосредственно задействованы в выполнении принятых европейских решений [5].

К тому же сети делают это успешно. Сеть в качестве модели политической организации предполагает нарастание гражданского участия в процессах принятия решений, возвращаясь к идеям «интегральных федералистов» или Прудона – о радикальной демократии. В их основе лежат представления о том, что власть

унитарного и иерархического государства с центром, обычно далеко удаленным от непосредственного жизненного мира граждан, скорее препятствует, чем содействует самораскрытию групп и индивидов. Средства мажоритарной демократии в крупных и гетерогенных обществах не могут решить данную проблему, в силу чего считается необходимым предоставить широкие права населению на местном и региональном уровне в тех отраслях политики, которые имеют для людей непосредственное значение [5].

Политические сети способны к выполнению двух функций: агрегативной и интегративной. При агрегации интересов все участники политического процесса действуют, ориентируясь главным образом на собственную выгоду. Принимаемые в итоге решения отражают результат заключаемых между ними стратегических альянсов и сделок. Политические акторы стремятся при этом к достижению компромиссов только между своими потенциальными сторонниками, пытаются нащупать парето – эффективное состояние, при котором выгоды от принимаемого решения, достигаемые в пользу каких-либо групп интересов, не сулят серьезного ущерба благосостоянию других. Если же сеть выполняет интегративную функцию, то акторы в ней выступают как попечители общего блага. Они артикулируют коллективные устремления и формируют новое, разделяемое всеми значимыми группами в обществе понимание общего блага [5].

В то же время европейские сети позволяют сознательно приходиться к коллективным решениям, несмотря на различия в целях участников. Они основаны на коммуникации и взаимном доверии и нацелены на достижение общего результата. Важно также, что сети побуждают участников европейского политического процесса изменять ожидания. Когда сведение воедино первоначальных интересов участников на основе консенсуса оказывается невозможным, сети позволяют выйти из тупика за счет обсуждений на основе рационального рассуждения. В этом процессе иногда удается трансформировать конфликтные идеи и представления, а также найти варианты решений о повышении эффективности управления с учетом действий и мнений других.

По мнению философа У. Бека, глобализация в некотором роде тоталитарна, так как навязывает общие правила игры, отступление от которых грозит неприятностями. Мировое сообщество указывает на своего рода новый мир, неисследованный континент, который раскрывается в транснациональной ничейной земле, в промежутке между национальными государствами и национальными обществами. Результатом этого является властный конфликт между национально-государственной политикой и полем деятельности мирового общества. Это выражается не только в отношении национальных государств к мультинациональным концернам, где властный конфликт проявляется наиболее зримо. Но он определяет также утверждение транснационального права, борьбу с транснациональной преступностью, возможности осуществления транснациональной культурной политики или деятельности транснациональных социальных движений и т. д. В связи с этим можно говорить об эре глобальности как о начале конца национального государства, а значит, и демократии [1].

Итоги десятилетия, прошедшего под знаком реализации «европейского проекта», неоднозначны и могут рассматриваться как предпосылки кризиса европейской политической системы. Среди них можно выделить:

- 1) неудачную реализацию политики мультикультурализма в Германии и Франции;
- 2) экономический кризис в Греции, Ирландии, Португалии, Испании и Италии;
- 3) приход к власти ультраправых партий в ряде европейских стран;
- 4) укрепление и развитие авторитарных тенденций во внутренней политике Европейского Союза.

Для преодоления кризиса руководству ЕС необходимо предпринять следующие шаги:

- 1) сохранить внутривнутриполитическую целостность;

2) попытаться, пусть и в несколько видоизмененном варианте, сохранить политику мультикультурализма, либо выработать равнозначную ей стратегию ассимиляции для иммигрантов;

3) учитывая, что события на Ближнем Востоке затрагивают интересы ряда государств Европы, руководству ЕС необходимо выступить одним из модераторов на переговорах, посвященных локализации кризиса, поразившего регион.

В целом же Европейский проект наглядно продемонстрировал положительные и отрицательные стороны авторитаризма как политической модели в современном глобальном мире. Отказ от авторитарной политики или дальнейшее следование ей станет во многом решающим фактором для дальнейшего развития Европы.

Библиографический список

1. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответ на глобализацию. – М., 2001. – С. 692.
2. Журавлев А. Европа как антиамерика // Международные процессы. – 2007. – № 2.
3. Иноземцев В. Одержима ли Европа антиамериканизмом? // Россия в глобальной политике. – 2003. – № 1. – С. 201.
4. Лукьянов Ф. Оксесонная болезнь // Новое время. – 2010. – № 31. – С. 57.
5. Стрежнева М. Сетевой компонент в политическом устройстве Евросоюза // Международные процессы. – 2005. – № 3 (9), сентябрь – декабрь.
6. Троицкий М. Европейский союз: прерванный полет, или... // Международные процессы. – 2005. – № 2.
7. Тэтчер М. Искусство управления государством. – М., 2004. – С. 350.
8. Уткин А. «Новый мировой порядок». – М., 2006.
9. Уткин А. Глобальная политика в 21-м веке. – М., 2001.

© Вялых В. В.

УДК 316.032

СЕМЬЯ В ПАРАДИГМЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО МОДЕРНИЗМА И ПОСТМОДЕРНИЗМА

Л. Д. Козырева

Северо-Западный институт управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы,
г. Санкт-Петербург, Россия

FAMILY IN THE PARADIGM OF SOCIOLOGICAL MODERNISM AND POSTMODERNISM

L. D. Kozyreva

The North-West Institute of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Saint-Petersburg, Russia

Summary. The article analyses the problem of transformation of the institution of the family in the modern world. Presents methodological approaches of modernism and postmodernism. Discusses scenarios for a possible future family.

Key words: family; modernism; postmodernism.

Современные трансформационные процессы приобретают глобальный характер, захватывая не только новые территории, но и традиционные ценности и социальные институты. Институт семьи относится именно к таким институтам, которые менее остальных подвержены изменениям. Но сейчас мы являемся свидетелями значительных трансформаций и роли семьи в обществе, и ее социальных функций, даже структурных изменений, которые называли столетия в лоне семьи.

Совершенно очевидно, что эти трансформации, по сути, только начинаются. Но данные процессы нуждаются в научном осмыслении, формировании теоретических подходов, с помощью которых они могут быть познаны и, как след-